

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

ВЕЛИКИЕ
ТАЙНЫ
ПРОШЛОГО

РАЗБИТЫЕ ЧАСЫ
• ГИПЕРБОРЕИ •

Великие тайны прошлого

Екатерина Барсова

Разбитые часы Гипербореи

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсова Е.

Разбитые часы Гипербореи / Е. Барсова — «Эксмо»,
2022 — (Великие тайны прошлого)

ISBN 978-5-04-169129-5

Анфиса устроилась на работу в фонд, который готовит экспедицию к таинственному месту силы на Севере. Кто бы знал, к чему это приведет! Секретарь руководителя — должность маленькая, в секреты и тонкости Анфису не посвящают. Но если проявлять внимание и не гнушаться подслушивать чужие разговоры, умная девушка может раздобыть немало интересной информации, которая очень дорого стоит. Кто-то дает за нее большие деньги, а кто-то — расплачивается жизнью... В захватывающих остросюжетных драмах Екатерины Барсовой из серии «Великие тайны прошлого» прогремевшие на весь мир преступления, до сих пор оставшиеся нераскрытыми, перекликаются с современностью и находят неожиданное продолжение в настоящем. Прошлое возвращается и становится причиной нового преступления.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169129-5

© Барсова Е., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Ворон за окном	7
Глава вторая. Запах тубероз и звуки танго	16
Глава третья. Нежданная весть	22
Глава четвертая. Аукцион с сюрпризом	29
Глава пятая. Мертвые львы и живые письма	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Барсова

Разбитые часы Гипербореи

© Барсова Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Предисловие

*Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая пред толпой,
Бросать камнями готовой...*
Алексей Плещеев

- Ты видишь... видишь... – шипел один голос внутри его.
- Нет. Не могу... не хочу... – отвечал ему другой.
- Открой глаза, ты же не слепец, в конце концов, – требовал третий.

Голоса... Он понимал, что они рано или поздно сведут его с ума. Надо было держаться изо всех сил... Пока он мог сопротивляться *этому*... *Пока еще были силы и воля, но в любой момент они могли его оставить*...

Вокруг все было странным и непохожим на то, о чем он думал раньше. Возможно, это и есть тот самый путь познания, о котором он все время размышлял. Ты же хотел найти истину – так почему она тебя так пугает, и, видимо, не только тебя, а любого мало-мальски разумного человека, который сталкивается с чем-то непостижимым. Он не хочет этому верить, даже если мечтал все увидеть собственными глазами и рисовал в уме картину того, с чем собирался встретиться. Кажется, тут проявляется одно из странных противоречий: человек жаждет перейти все границы этого материального мира, но часто останавливается на краю, не имея решимости заглянуть в бездну.

В голове шумело. Его зрение вдруг приобрело удивительную остроту, словно он смотрел в некое объемное сферическое зеркало: выпуклое, тусклое по краям, но в середине удивительно четкое. В фокусе были не только окрестности: горы, высокие деревья с шершавыми стволами, стальная гладь озера, но и прожилки листьев, ленивые рыбы, медленно скользящие в воде, облака, с одной стороны подкрашенные солнцем...

Такое зрение было дано ему не напрасно, не для того, чтобы он расплескал это чудо... Ему следовало открыть еще немало тайных знаний, которыми владели древние, а современники утратили в погоне за суетным и мелким...

Он ощутил прилив сил и возбуждения, в него проникла странная уверенность, что все будет хорошо, что ему многое удастся из задуманного, что то, о чем он грезил, сбудется... Только нужно собраться и без страха идти навстречу неведомому, не сбиваясь с пути... Не уклоняться, а двигаться вперед... Когда закончится эта экспедиция и он представит свой отчет, то поиски продолжатся... и так до конца... пока не будет найдена Истина.

Глава первая. Ворон за окном

*Как-то в полночь, в час угрюмый,
полный тягостною думой,
Над старинными томами
я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, – вдруг
неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался —
постучался в дверь ко мне.*
Эдгар Аллан По. «Ворон»

Ораниенбаум. Наши дни

За окном раздался резкий крик, и Анфиса открыла глаза. Она еще не очнулась ото сна, и поэтому все предметы в комнате предстали перед ней в неясном тумане, она снова закрыла глаза и собиралась продолжать спать. Второй крик был еще тревожней первого. «Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда», – почему-то вспомнились строчки стихотворения Эдгара По.

Третий крик прогнал остатки сна, Анфиса встала, накинула халат и подошла к окну. Она жила в старинном доме с толстыми стенами и видом на канал. Большое дерево росло прямо перед окном. На ветке сидел ворон и смотрел на нее.

– Ну, привет, – пробормотала Анфиса. – Это ты не дал мне выспаться.

Ворон склонил голову набок, словно вслушиваясь в ее речь.

– Понимаю, надо уже просыпаться. Дел много... А я тут лежу, дрыхну... непорядок...

Анфиса подумала, что нужно покормить ворона; с этой мыслью она направилась на кухню. Но когда выглянула в окно, птицы на ветке уже не было...

Начинался новый день.

Она бросила взгляд на часы – девять утра. Нормальное рабочее время...

Анфиса Костомарова, переводчица, двадцати девяти лет, рост 171 сантиметр, волосы пепельные, глаза серые, характер – спокойный – так она однажды написала в шутильной анкете. Раньше она делила свое время между Москвой и Ломоносовом, который называла по-старинному Ораниенбаумом, там у нее имелась крохотная двухкомнатная квартира, доставшаяся от бабушки. Дом был старый – еще дореволюционной постройки – с толстыми стенами, высокими потолками и выходом на маленький канал. С той поры, когда она стала работать в фирме «За развитие Русского Севера», Анфиса уже реже бывала в Ораниенбауме, в основном проживая в Москве в съемной квартире (несколько лет была фрилансером и поэтому могла вырваться из Москвы в любое время и осесть здесь, взять перевод и заняться делом, не отвлекаясь ни на что).

Жила она довольно замкнуто, подруг у нее не было. Единственным другом был Валентин Лавочкин – верным и бескорыстным, готовым всегда прийти на помощь и подставить свое плечо. Познакомились они на книжной ярмарке, где она представляла свой последний перевод – книгу одного писателя африканского происхождения, родившегося и живущего в Австрии. Это было еще до того, как она пришла работать в фонд «За развитие Русского Севера».

Она представляла книгу в череде других переводчиков. Их было трое. Бурыгина Вера Александровна (ВерСанна – как звали ее сокращенно друзья и знакомые), переводившая одного модного французского писателя вот уже несколько лет. Писатель был жутко популяр-

ным, его в России знали и любили. На Западе по его книгам сняли фильм, который оказался так себе – на троечку, но способствовал расширению читательской аудитории. ВерСанна переводила примерно один роман в два года – такова была «производительность» французского беллетриста. Анфису она знала и ценила, время от времени они перезванивались и встречались на книжных ярмарках-фестивалях. Второй переводчик был Шамроев Виктор Афанасьевич – эстет, претендующий на модность. Он вел свой блог и страничку в «Инстаграме», ему было лет пятьдесят с хвостиком, недоброжелатели говорили, что больше, просто он так хорошо сохранился; некоторые намекали на пластику и подтяжку лица. Он перевел книгу современного немецкого автора, в которой были намешаны всякого рода комплексы: тут тебе и тяжелое детство, и насмешки в юности, и болезненный сексуальный опыт, и раздвоение личности, и попытки выйти за пределы своего пола... и странное влечение к двоюродной сестре... и даже чувство вины за то, что его дед служил в СС. Это был гремучий коктейль. На родине писателя уже отметили престижной премией. На этой волне одно российское издательство, славящееся тем, что переводило артхаусные новинки, решило выпустить новую книгу в спешном порядке. Пока не схлынул хайп.

Шею Шамроева обвивал ядовито-зеленый шарфик, брюки были песочного цвета. А рубашка – красного... ВерСанна явилась в какой-то фиолетовой хламиде. Она придерживалась ампула доброй тетушки шестидесяти лет. А она, Анфиса Костомарова, выглядела очень строгой и элегантной в бледно-голубом брючном костюме. Народу было немного, Анфиса выступала последней. Закончив презентацию романа и ответив на пару вопросов, она направилась к столу издательства, уже была совсем рядом с ним – и тут в нее кто-то врезался. Анфиса махнула руками и едва устояла на ногах...

Раздался звук падения рассыпавшихся книжек. Прямо перед собой она увидела молодого человека в очках, джинсах и мягком свитере. Он пробормотал слова извинения. И бросился собирать книги. Анфиса присела на карточки, чтобы помочь ему. Он встретился с ней глазами и даже побледнел.

– В-вы кто? – спросил, чуть заикаясь.

– Переводчица.

– Переводчица? – почему-то обрадовался он. – Очень приятно. Валентин Лавочкин. Вы свободны?

– В каком смысле? – надменно спросила Анфиса, выпрямившись.

Молодой человек тоже поднялся.

– В косвенном. Свободны ли вы сейчас. Сию минуту. Я хочу пригласить вас в ресторан. – Увидев взлетевшие брови Анфисы, поспешил добавить: – На чашку кофе. Это нормально.

– Что нормально в вашем понимании, я не знаю.

Рядом остановилась ВерСанна. У нее были глаза подбитой птицы, и она зябко куталась в хламиду, несмотря на тепло.

– ВерСанна, хотите с нами в ресторан? – предложила Анфиса.

– В ресторан? – встрепелась ВерСанна.

– Да. Нас молодой человек приглашает. Э-э... Валентин... как по отчеству?

– Можно без.

– Молодой человек по имени Валентин приглашает нас в ресторан, – насмешливо сказала Анфиса.

Ни один мускул на лице ее нового знакомого не дрогнул.

– Да. Прошу составить компанию.

– Можно еще пригласить Витю, – предложила ВерСанна. – Он нам расскажет, над чем сейчас работает. И вообще... Видимся же редко.

Но переводчик с немецкого бодро потрусил вдалеке с парочкой мужчин, одетых в стильные пиджаки, даже не посмотрев в их сторону.

– Кажется, Витю похитили поклонники его таланта, – с легкой грустью сказала ВерСанна. – У него достаточно много поклонников. Сидит на грантах.

– Ну что ж! Идем в ресторан, – сказала Анфиса. – Ведите – куда.

– Я знаю тут один неподалеку. Вполне милый. Я вас туда на машине отвезу.

В ресторане, располагавшемся в здании под «замок», в основном говорила ВерСанна. О трудностях перевода, о своей жизни, вспомнила какие-то случаи двадцатилетней давности. Складывалось впечатление, что ей хотелось просто выговориться. Они заказали обед, ВерСанна ела медленно, часто отвлекаясь на беседу, точнее, собственный монолог. Анфиса редко вставляла реплики, почти не поднимая глаз на Лавочкина. Валентин же большей частью молчал. Наконец, посмотрев на часы, ВерСанна тряхнула пепельными кудельками и сказала: – Мне пора. Меня ждет Кирюха. Очень было приятно познакомиться, – кивнула она Валентину. – А с тобой прекрасно еще раз повидаться. Все такая же красивая и умная.

– Не перехвалите, ВерСанна.

– Ничуть. Все так и есть. Гордость и надежда переводческого корпуса.

Когда ВерСанна ушла, Анфиса сказала, не глядя на Лавочкина.

– Простите. Я была такой несносной.

– Почему?

– Навязала вам свою знакомую. Хотя не должна была этого делать.

– Не оправдывайтесь; все было прекрасно. Рад познакомиться с Верой Александровной.

Она ведь переводит писателя, которого в нашей семье читают. Не каждый день обедаешь с переводчицей такого уровня.

– Вера Александровна – несчастный человек. У нее умер муж пять лет назад. Сын инвалид. И она очень нуждается в деньгах. Переводы нерегулярные, и платят нам за них не так уж чтобы много. А инвалидность сына требует денег. Я хотела доставить ей немного радости. Со мной она бы не пошла, постеснялась бы за мой счет обедать. Так что... сколько я вам должна?

Валентин вскинул руки в протестующем жесте.

– Ни-че-го, – раздельно сказал он. – Для меня это было честью. А потом... одна переводчица сейчас сидит передо мной. И я этому страшно рад.

Анфиса взглянула на него с немим удивлением.

– Вы всегда говорите такие комплименты?

– Какие – «такие»?

– Ну прямые, что ли...

Валя чуть покраснел.

– Нет. Наверное, в первый раз.

– А... – Анфиса заметно поскущнула. – Хочу вас предупредить. Я не склонна к романам или легким интрижкам. Я могу вам предложить только дружбу. Говорю сразу, чтобы не было никаких недомолвок в дальнейшем. А то всякое бывает...

– Ваша дружба... – Валентин коснулся рукой волос, словно желая придать себе уверенности. – Я очень, очень постараюсь стать для вас хорошим другом.

Анфиса провела пальцем по скатерти.

– Спасибо. А теперь вы можете угостить меня кофе?

– Не вопрос.

После кофе они разговорились. Анфиса разрешила проводить ее до дома. Она жила недалеко от метро «Бауманская», Лавочкин подвез ее, они стояли и разговаривали около дома, расставшись в десятом часу. Если бы Анфиса потом видела своего нового знакомого, то она бы, наверное, сильно удивилась. Он ехал в машине и пел. А на его лице расплылась блаженная улыбка. Случилось безвозвратное – Валя Лавочкин смертельно в нее влюбился, причем без всяких усилий с ее стороны. Страстно и обреченно. Потому что ни малейшей надежды она ему не давала... Анфиса спустя некоторое время встретила с ним еще. Потом – снова... Так они

подружились. С момента их знакомства прошло уже два года, и теперь она и не мыслила себе жизнь без своего преданного поклонника.

Валентину Лавочкину стукнуло тридцать два года, он был айтишником и работал в МИДе, продолжив таким образом семейную традицию – его родители были потомственными дипломатическими работниками. Кроме Вали, в семье было еще двое детей. Старшая сестра Инна – супруга бизнесмена и счастливая мать двух близняшек. И общая любимица – двенадцатилетняя Вероника, серьезно занимавшаяся музыкой – она играла на арфе. Лавочкины жили в ведомственном доме недалеко от метро «Краснопресненская», в трехкомнатной квартире. Валя, Вероника, мать с отцом и бабушка – восьмидесятичетырехлетняя Олимпиада Андреевна.

Семья была веселая, дружная. Валентин как-то пригласил Анфису к себе домой, несмотря на то, что она отнекивалась.

– В качестве кого я там буду? – спрашивала она.

– В качестве самой себя... я своим все уши прожужжал о своей новой знакомой – замечательной Анфисе. И конечно, они хотят с тобой познакомиться. Это вообще-то не страшно.

– А я и не боюсь, еще чего...

– Не сомневаюсь. Ну так что? Тебя ждут в субботу.

– Ладно. Вечернее платье и клатч?

– Ну что ты? – возмутился Валентин. – Никакого официоза. Все мило и по-домашнему...

Мама с бабушкой великолепно готовят...

Субботний вечер и впрямь прошел прекрасно. Мама Лавочкина оказалась еще молодой женщиной – пятидесяти шести лет – с тонкими чертами лица, худощавой, спортивного сложения. Отец – напротив, был плотным импозантным мужчиной с седыми волосами и громким голосом.

– Проходите, проходите, – прогудел он. – В большую залу. Там вас ждут.

Ожидавшие – бабушка Олимпиада Андреевна, Вероника и сам Валентин, мгновенно залившийся краской при появлении званой гостьи. Он вскочил с места, но отец решительным жестом дал понять, чтобы он оставался там, где находится.

– Сиди. Сиди. Уж я сам поухаживаю за дамой...

Легкая неловкость, которая возникла при ее появлении, вскоре исчезла... Анфиса включилась в разговор, ее расспрашивали о работе, о том, что интересного она переводит сейчас... Кухня и впрямь была замечательной – какие-то крохотные пирожки с мясной и рыбной начинкой, которые буквально таяли во рту, вкусные салаты...

Но все же Анфисе показалось, что легкий холодок имел место быть, хотя, возможно, ей это только показалось...

* * *

Он смотрел на толпу в аэропорту с выражением легкого превосходства. Если говорить честно, он не любил аэропорты и все, что с ними связано. И в отличие от других людей не дрожал от предвкушения путешествия или деловой поездки. Для него самолет являлся всего лишь средством транспортировки, как бы сухо и банально это ни звучало. Он вообще не был романтиком по натуре, и многие упрекали его за это. Но здесь он уже ничего не мог с собой поделать. Не его стихия... Он любил все рациональное, четкое, то, что можно выразить сухим языком отчета или цифр. Он помнил, как когда-то его любимая женщина говорила: ты просто невозможен, нет, правда, невозможен. При этом она так смешно растягивала слова и скашивала глаза, что было ясно: она просто посмеивается над ним. Впрочем, ей он мог простить многое, даже слишком...

Усилием воли он отогнал от себя воспоминания и сосредоточился на предстоящей поездке в Питер. Сначала туда. А потом в Москву... Он никогда не был ни в Питере, ни в Москве. Из-за страха, чувства опасности, которое с ним было всегда... Он дотронулся рукой до внутреннего кармана: там лежала записка с адресом и контактами одного типа, которого он собрался нанять для некоторых поручений. Этот адрес ему дал знакомый... Он надеялся, что все будет безукоризненно. Без срывов. Иначе дело, ради которого он приехал, не получится.

Питер... Там ему предстояла встреча, и от того, как она сложится, зависело многое... Объявили посадку на его рейс. Народ перед ним был весьма колоритный: две девушки, пожилой мужчина. Хотя, и здесь он усмехнулся про себя, его ведь тоже можно было отнести к разряду «пожилых». Подтянутый, с щеточкой усов... Глаз за очками не видно... Еще одна девушка стояла немного сбоку. У нее были пепельные волосы и светло-голубые глаза... Красивая... Но девушки для него давно уже стали заповедной территорией... Он собирался проживать строгую размеренную старость, полную спокойствия и гармонии, любимого Баха и Генделя. А девушки проходили по разряду «ненужное волнение». Поэтому их следовало избегать... Но эта и вправду была хороша... И такие глаза...

Неожиданно ему стало плохо. Он покачнулся, и тяжелая трость выпала из его рук и с грохотом покатила по полу. Кто-то участливо взял его под локоть. Он открыл глаза.

– Вам плохо?

Та самая девушка смотрела на него, и в ее взгляде читались участие и тревога.

– Да-да. Вполне... – он говорил на русском с трудом, словно во рту перекачивались камни-голыши – неуклюжие, тяжелые... Он перешел на французский. К его удивлению, девушка подхватила его французский. Он не ожидал, что она так хорошо знает язык. Он внимательно посмотрел на нее: бывают же сейчас в России такие девушки! И хороша собой, и умница... и еще в ней видны изящество и то, что называется породой.

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет, мне уже легче. Спасибо, – сказал он, растягивая слова, – благодарю.

Она ответила на итальянском. Это уже было слишком! Неужели немытая Россия стала родиной таких умных и красивых девушек? Здесь его охватило стойкое чувство, что он где-то ее уже видел. Память у него была не просто хорошая. А отменная... Но вот где...

* * *

Герман Салаев был одним из организаторов экспедиции в Ловозеро по следам Александра Барченко. На эту должность его назначил Мстислав Воркунов, руководитель фонда «За развитие Русского Севера». Герман буквально горел работой, этим делом, уточнял детали, составлял график, маршрут. Нанял толкового спеца – Николая Шепилова, который вскоре должен был выехать на место, согласовать маршрут уже непосредственно там, в том числе с региональными властями.

Анфиса приехала с важным сообщением, что к ним подключается один картограф, ради которого она и прибыла в Питер. Конечно, с Германом можно было решить вопросы и по телефону, но ее начальник любил, когда сотрудники общались вживую, контролировали друг друга, как мысленно добавляла про себя Анфиса.

Картограф Генрих Ямпольский оказался чудесным, беседа с ним пролетела за один-два часа, они сидели в кафе, пригревало солнышко, визави ее был стариком в дивном черном берете, его высохшие руки пестрели коричневыми пятнами, а глаза слезились, но взгляд был ясным, а голос звучал твердо – без дребезжания. Он опирался на трость из красного дерева, временами, когда он смотрел на Анфису, его взгляд приобретал странное выражение. Так, наверное, художник взирает на свою модель, прежде чем приступить к ее изображению. Чем-то ее собеседник напоминал старого орла, который сложил крылья, но по внутреннему призыву

мог снова их расправить. Его нашел где-то Мстислав Воркунов, Анфисин шеф, дал его телефон и сказал, чтобы она срочно связалась с ним. Воркунов всегда умел выискивать первоклассных специалистов. У него просто был нюх на них. Вот и Генрих Ямпольский, который работал с картами, попал в поле зрения Воркунова.

– Интересное вы затеяли мероприятие.

– Да! – вдохновенно сказала Анфиса. – И я рада, что вы нам поможете.

– Придется покопаться в старых архивах. Как я понимаю свою задачу – нужно найти карты того времени, которые подробно бы описывали ваш будущий маршрут. И все нужно было сделать, как говорят студенты, еще вчера...

– Да. Время поджимает. Надеюсь, мы все рассчитали правильно, но вдруг... в таких случаях ничего нельзя знать наверняка, – сказала Анфиса.

– Это правда...

– Рада, что вы с нами будете сотрудничать...

Картограф, которого звали Генрих Викторович, бросил на нее взгляд, как бы предупреждая: «Нужно быть умеренными оптимистами».

Согласна, мысленно сказала про себя Анфиса.

Они расстались с Ямпольским вполне довольные друг другом. Потом Анфиса поехала к Герману Рустемовичу в гостиницу, где он остановился. Салаев принял ее в холле. Герман находился в Питере по своим делам. Экспедиция по следам Барченко, можно сказать, была его хобби. Но свои деловые проекты он не забывал, поэтому ему приходилось разрываться между своими двумя ипостасями: бизнесмена и исследователя-энтузиаста. В холле Анфиса утонула в мягком сливочно-белом кресле и смотрела на аквариум с рыбками. Когда она насчитала пятнадцать рыбок, перед ней вырос Салаев.

– Добрый день, – сказал он, усаживаясь напротив.

– Добрый день, Герман Рустемович. Вот прилетела сюда по делам и решила встретиться с вами.

Она давала краткий отчет по сделанному, когда поймала его отсутствующий взгляд. Пару раз он демонстративно посмотрел на часы.

– Вы торопитесь?

– Да, у меня запланирована одна встреча, – подтвердил он. – Боюсь, что не могу уделить вам много времени.

Анфиса внимательно посмотрела на Германа. Это был по-своему привлекательный мужчина сорока с лишним лет, крепкого телосложения, лицо с чуть раскосыми скулами... Внимательные карие глаза, которые в любой момент готовы вспыхнуть гневом. Герман мгновенно приходил в ярость, но также легко и остывал. Прощал ли он своих обидчиков, никто не знал, ведь он мог таить свои чувства до тех пор, когда представится удобный случай для мести...

Когда Герман пришел в их фонд, он стал не то чтобы ухаживать за Анфисой – для этого он был слишком высокого о себе мнения, – но оказывать ей недвусмысленные знаки внимания, намереваясь сделать ее своей любовницей. Впрочем, Анфиса подозревала, что Герман оказывает такие знаки внимания всем девушкам, которые встречались ему на пути... Просто ради мужского спортивного интереса. И вдруг! Он фактически обрывает разговор! Такого за все время работы с Германом еще не случалось. Анфиса сдвинула брови.

– Хорошо, если у вас еще есть вопросы, я готова их обсудить.

– Вопросов нет, – перебил ее Салаев, заметно нервничая.

Анфиса еще раз внимательно посмотрела на него: таким она Германа еще не видела. Он всегда был спокоен и невозмутим. Теперь же с него словно спала маска... На лбу мужчины выступили капли пота.

Однако!

Герман нервничает, с чего бы? Анфисе это в диковинку, и она смотрит на Германа пристально. В упор. А он явно хочет избавиться от нее.

– Ну так что? – и он демонстративно встает с кресла. – Спасибо за визит, Анфиса Николаевна. Хотя он был совсем необязательным. Мы все могли обговорить по телефону.

И зачем ты сюда приперлась, явно сигналил его взгляд... Только не говори, что хотела меня увидеть, я же помню, как ты меня аккуратно отшила. А ведь могли приятно провести время. И не верю я, что ты вся такая недоступная. И чего только ломалась? Целку из себя строила.

Ну ты не очень-то, в ответ просигналила ему взглядом Анфиса. Руки того... то есть мысли не распускай... С каждым, кто имеет на меня виды, я спать не собираюсь, и вообще я не обязана отчитываться вам, Герман Рустемович, почему я вас отшила. Не сошлись группой крови, как говорила одна моя давняя знакомая.

Какой еще группой крови?

Это всего лишь оборот речи...

Анфисе кажется, что между ними идет этот безмолвный разговор, и по мере его продолжения Герман Рустемович хмурится все больше.

– Рад был видеть, – выдавливает он, идя на попятную и пытаясь быть вежливым, несмотря на то что эта роль – не для него.

– Взаимно. Извините за беспокойство...

– Ничего. Все нормально. Мы же коллеги... Всего доброго... – он взял ее под руку и повел к выходу, чуть ли не подталкивая.

Она проскользнула в стеклянную вертушку дверей. На улице перевела дух. Интересно. С кем же у Германа встреча – с деловым партнером или... Анфису разбирало любопытство. Она быстрым шагом перешла на противоположную сторону улицы и оглянулась. Фигура Германа была видна через стекло. Он снова сел в кресло. Как на пост... Видит ли он ее сейчас? Анфиса нырнула в магазин, где продавалась посуда и сувениры. Теперь она, спрятавшись за полки с фарфором, хорошо видела Германа, а он ее, как она надеялась, – нет. Получился удобный наблюдательный пункт. Возможно, она узнает сейчас ответ на вопрос: почему же Герман Рустемович Салаев так поспешно вытолкнул ее из гостиницы.

В стеклянные двери вошел мужчина с палкой, и Анфиса замерла: он был ей смутно знаком... И здесь ее кольнуло узнавание. Это оказался тот мужчина, с которым она столкнулась в аэропорту. Тот самый, которого она удивила знанием иностранных языков. И что он делает у Германа...

Она чуть не задела локтем фарфор.

– Вам что-нибудь надо? – выросла около ее продавщица.

– Нет.

– У нас разнообразный товар на любой вкус. Вы можете выбрать подарок близким, сослуживцам, любимому человеку, другу...

Прямо на Анфису с полки смотрела фарфоровая собачка непонятной породы.

– Сколько стоит этот товар?

Девушка с густой челкой сняла фигурку с полки, перевернула ее.

– Три с половиной тысячи рублей.

– Беру. Упакуйте мне, пожалуйста.

– Будете платить наличными или картой?

– Картой...

Бросив взгляд в окно, Анфиса уже не увидела ни Германа, ни того иностранца. Они расстались или ушли в номер? Или куда-то еще?

* * *

– Представляешь! – со смехом рассказывала Анфиса. – В аэропорту один иностранец чуть не поперхнулся, когда я ему ответила на чистейшем французском. Он, видимо, из тех дремучих иностранцев, которые думают, что у нас здесь до сих пор медведи по улицам бродят, а жители ходят в шапках-ушанках и бренчат на балалайках.

– Бывают и такие. Хотя честно – это анахронизм, и такие люди должны уже вымереть, как мамонты. Это даже неприлично сейчас так думать о России. Нам все время приходится преодолевать эти стереотипы пропаганды, которые работают уж бог знает сколько времени. Наш МИД борется с этим, – голос Лавочкина звенел – неподдельный патриот родной конторы!

– Я тоже так считала до поры до времени. Но с одним из таких мамонтов столкнулась сегодня. Сама не поверила своим глазам и ушам. Но, как видишь, такие люди еще существуют. Хотя это просто смешно...

– Как съездила в Питер? – без всякого перехода спросил Валентин, глядя на Анфису исподлобья. Он так хорошо изучил ее или думал, что изучил – как полагает каждый влюбленный человек об объекте своего чувства. Сейчас ему казалось – в ней что-то не то. Какая-то излишняя возбужденность, Анфисе в общем-то не свойственная. Напротив, она обычно вполне уравновешенная и спокойная особа.

Сейчас они сидели в кафе недалеко от места ее работы за чашками капучино. Анфиса взяла себе еще десерт, который не столько ела, сколько задумчиво ковыряла ложкой.

– Хорошо. – Она откинулась на спинку плетеного стула. – Только мне показалось, что Салаев слушал меня как-то не очень внимательно. Хотя все должно было быть наоборот. Он же столько сил вкладывает в ту экспедицию... – при этих словах Анфиса задумалась.

– Тебе так показалось.

– Ничуть! Германа я знаю хорошо. А теперь он, похоже, потерял к экспедиции интерес.

– Тебе так кажется, – сказал Лавочкин, но уже менее уверенно.

– А вообще Питер прекрасен всегда. Я его люблю давно: нежно и пламенно. Чего стоят эти симпатичные львы на Аничковом мосту. Я каждый раз, когда приезжаю туда, прихожу с ними здороваться. Увидишь их славные морды – сразу настроение повышается.

– Фантазерка! Но Питер и вправду прекрасен. Я там не был... – Валентин поднял глаза вверх. – Год и два месяца. Многовато... Тянет туда поехать в самое ближайшее время, но не получится. Работа, дела... Не все могут сочетать приятное с полезным, как некоторые, – поддел ее Лавочкин.

Но Анфиса его не слушала.

– Как ты думаешь, почему Герман так рвался поскорее организовать эту экспедицию и вдруг словно теряет к ней интерес?

– Может быть, какие-то личные проблемы.

– Какие личные проблемы, когда все живут этой экспедицией... Организуют все на местах, а тут...

Анфиса хотела сказать что-то еще, но осеклась.

– Я понимаю, – Валентин подкинул в воздух яблоко, но не поймал его, и оно с глухим стуком упало на землю.

– Растяпа! – беззлобно сказала Анфиса.

– Что делать! Придется потренироваться, чтобы в следующий раз поразить тебя цирковым трюком.

Когда Лавочкин ушел, Анфиса выпила крепкий чай и легла на узкую кушетку. После поездки в Питер в голове была легкая беззаботность, правда, она знала, что это ненадолго. И вообще современный человек не может позволить себе расслабиться в течение длительного

времени. Это раньше жизнь была спокойной и размеренной и время текло по-другому. Анфиса представила, как дворяне совершали утром прогулки на лошади, потом – завтракали, читали книги, бродили по лугам... А сейчас... все в спешке, все на бегу: как бы чего не упустить, все успеть. Да еще эта странная эпидемия, накрывшая мир... Она вспомнила иностранца, с которым столкнулась в аэропорту, и подумала, что у нее возникло необъяснимое чувство, будто она с ним где-то уже встречалась.

Глава вторая. Запах тубероз и звуки танго

*Если можешь, иди впереди века,
если не можешь, – иди с веком,
но никогда не будь позади века.*

Валерий Брюсов

* * *

Павел Рудягин, следователь, сидел у себя дома, размышляя, чем бы ему заняться вечером. Телевизор он смотрел редко, фильмы и сериалы по интернету – тоже нечасто, гостей не принимал, так что оставалось только читать.

Он подошел к книжному шкафу и задержал дыхание. Он так делал почти каждый раз, когда близко видел полки, за стеклами которых поблескивали корешки книг.

Он до сих пор считал, что ему незаслуженно повезло получить квартиру в центре Москвы от родственницы, которую он даже не знал. Эта квартира когда-то принадлежала Нине Семеновне, Пашина мать была ее двоюродной племянницей. Так получилось, что завещание пожилой женщины стало неожиданностью для всех. Родственнички Нину Семеновну забыли, а вот мать Павла регулярно слала старушке открытки, несколько раз навещала ее, в чем потом призналась своим домашним, но не сразу, а спустя некоторое время. Дело в том, что мать в юности, как многие девчонки, хотела стать актрисой, приехала из Ярославля в Москву, чтобы подготовиться к экзаменам. Поселилась у Нины Семеновны, та готовила ее к выступлению перед экзаменационной комиссией. Мать до сих пор помнила, что учила басню Крылова «Стрекоза и муравей» и монолог Софьи из «Горя от ума» Грибоедова. Воспоминания юности не блекли. Матери казалось, что она и сейчас помнит свое волнение, отчаяние, надежду. Последняя и питала ее больше всего в этом полубезумном мероприятии. Нина Семеновна была доброжелательной, племянницу не отговаривала, хотя могла бы – с высоты лет, напротив – поддерживала, за что девушка была ей безмерно благодарна. Экзамены она благополучно провалила, вернулась к себе в Ярославль, поступила в вуз... Вышла замуж... Пошли дети. Сын Павел... после значительного перерыва – дочь Татьяна...

Нина Семеновна оставила эту квартиру Пашиной маме, а та отдала ее сыну, чтобы он переехал в Москву и там устроился на работу и вообще – начал новую жизнь. Вопрос с Пашиным трудоустройством решился довольно быстро. Однокашник отца работал в МВД, обещал Паше содействие и свое слово сдержал. Паша стал работать следователем, первое время страшно боялся, что не справится и подведет коллег. Свое первое дело, связанное, как ни странно, с Пушкиным и его стихами, он никогда не забудет. Его коллега Светлана Демченко сказала, что действительно первое дело остается в памяти как первая любовь...

К Москве Паша привыкал постепенно. Не сразу вжился он в пространство города, которое поначалу казалось ему слишком шумным, чужим, порой – враждебным. Никому ни до кого не было дела. Паша ощущал себя без родных потерянным и одиноким. Друзья и знакомые подшучивали над ним, мол, нужно жениться. Но он считал, что в этом вопросе не может быть никаких правил. Не брать же в жены первую попавшуюся девушку только потому, что «надо». Кому это надо?

Коллеги по работе пробовали его знакомить с подходящими, на их взгляд, девушками. Но быстро поняли, что Паша не собирается строить серьезные отношения, поэтому отстали от него.

Вот сейчас Паша подошел к книжному шкафу, тут его взгляд скользнул на книгу, которую он купил в киоске у метро. Современный автор, броская обложка. Паше понравилась аннотация: «Книга рассказывает об одном из самых бурных и судьбоносных периодов в истории России – с начала Первой мировой войны и до середины двадцатых годов. Она основана на исторических фактах и документах...»

Паша уже начал читать эту книгу. Он взял ее с полки и раскрыл там, где оставил закладку: «В зале все сидели и смотрели на сцену. Оркестр играл популярное в тот сезон танго. Звуки пьянили, будоражили, уносили куда-то далеко-далеко... Наконец на сцену вышла она, певица, которую ждали. Яркая брюнетка невысокого роста в длинном черном платье с брошкой на груди. Матильда Французская...»

Паша оторвался от книги. Интересно: эта Матильда Французская – реальное лицо или вымышленное?

* * *

Петроград. 1917. Март

– Послушайте, – Алексей Васильевич Кумарин смотрел на своего визави, не скрывая презрения. – Но вы же офицер, присягали царю и отечеству, как вы можете служить этим... – он кивнул на окно, за которым слышался неясный, но вместе с тем четкий гул...

– Попрошу! Не выражаться! – с холодным бешенством ответил Скандаровский. – Да, я с этими...

– Позвольте спросить – почему? – Кумарин уже пришел в себя и смотрел на Скандаровского с нескрываемым любопытством. – Ведь казалось, что ничего не предвещало...

– Здесь вы не правы... – теперь Скандаровский смотрел на Кумарина с плохо скрываемым чувством превосходства. – Вы думаете, это грязные лапотники, которые ворвались во дворцы и будут крушить все подряд? Нет, вы ошибаетесь. Да, на первый план вылезли эти самые... как вы их называете, лапотники, но на самом деле за ними стоит огромная витальная энергия. Вы же знаете, что такое слово «вита» – жизнь, – он прикрыл глаза. – И эти люди, точнее, те, кто стоит за ними, знают, чего они хотят. А вы знаете – чего?

Кумарин посмотрел на своего собеседника с некоторым страхом.

– Помилуйте, Лев Степанович, вы, кажется, уже оправдываете их.

– Я? Ни в коем случае. Я просто вижу то, что, может быть, упускают другие... Я, с вашего позволения... продолжу мою мысль... – Скандаровский вальяжно раскинулся в кресле, в нем было что-то от сытого льва – добродушного и настроенного миролюбиво.

– Да-да, конечно, – Кумарин встал и подбросил полено в камин. – Холодно, – произнес он с расстановкой. Его собеседник сверкнул глазами, но ничего не ответил.

– И эти лапотники думают овладеть миром. Не с помощью завоевательных походов. Хотя возможно все. Но прежде всего они намерены завоевать мир с помощью нового невиданного взрыва энергии. Они придумают новые формы в искусстве – в живописи, в литературе. Они собираются потрясти этот наш старый изнеженный мир... Разве вы не находите? Этот, как его, в желтой блузе – громогласный великан Маяковский, разве он по-своему не прекрасен?

– Помилуйте, Лев Степанович! Этот негодяй Маяковский...

– Почему же сразу негодяй!

– Потому что нашу прекрасную тонкую поэзию он уродует вот этими своими виршами, – последнее слово Кумарин сказал как выплюнул.

– Ничуть! Не надо быть излишне брезгливым... Все новое всегда рождается из старого. В России прежнее уже порядком сгнило, превратилось в труху... Все пришло в некий упадок и загнивание. И эти хулиганы, эти громилы смогут привнести новое вино в старые мехи.

– Категорически не согласен! – воскликнул Кумарин. – Абсолютно. Что может быть лучше...

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

– Ну, Алексей Васильевич, Северянин тоже по-своему авангарден. Не находите?

– Тогда вот это, – не отступал Кумарин:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

– Пушкин, конечно, вечен... но и современные поэты замечательны. «А вы сыграть ноктюрн смогли бы на флейте водосточных труб?» – теперь Лев Семенович откровенно смеялся над Кумариным. Он встал со стула, собираясь уходить. – Сочно, ярко... вы не находите?

– Нет! – отрезал Кумарин. – Вы куда-то торопитесь?

– Тороплюсь... у меня одна важная встреча, – сказал Скандаровский, обнажив красивые крупные зубы.

«А ведь красив, сволочь, – с неожиданной злостью подумал Кумарин. – Женщины ему на шею вешаются. И супруга красавица. Правда, говорят, что он ей изменяет порядком. Но Наталья – настоящий ангел, – Кумарин вспомнил, как он бывал в небольшой усадьбе Борисово, доставшейся Скандаровскому от жены. Он помнил Наталью Александровну – среднего роста шатенку с прекрасным цветом лица и прелестными голубыми глазами, которыми она с обожанием смотрела на мужа. А он ее не стоит, неожиданно подумал Кумарин – бонвиван, женщин меняет как перчатки. При том весьма низкого пошиба – певички варьете, куртизанки полусвета. И это несмотря на прелестную жену и дочку. Кажется, малышку зовут Верочка – тоже очаровательное дитя. В мать».

Кумарин вдруг подумал, что он, похоже, завидует Скандаровскому. И это чувство трудно отнести к христианским добродетелям. Но Кумарин ничего не мог с собой поделать. Он был беден, неродовит, за ним тянулся шлейф первой несчастной любви, из-за которой он хотел в свое время даже стреляться. А вот Скандаровскому во всем просто фантастически везет, причем его заслуг в этом никаких нет. Он просто плывет по течению, и оно предоставляет ему самые лучшие виды и возможности...

Кумарин почувствовал, что его чуть ли не трясет от злости. Он отвел взгляд в сторону, чтобы его состояние было не заметно. «Господи, помилуй, – взмолился он про себя. – Завидовать ближнему нехорошо. Хотя какой он мне ближний, зашептал кто-то внутри него, так – знакомый... и то – случайный...»

– Война! – перекрестился он. – Скорей бы кончилась.

При этих словах глаза Скандаровского как-то странно блеснули.

– Она закончится, и самым странным образом, – и он многозначительно хмыкнул.

– Откуда у вас такая информация? – прищурился Кумарин.

– Ну, есть. Имеются в разных слоях общества источники верные, преданные. Информацию мне поставляют исправно...

– И кто это? – вырвалось у Кумарина.

– Ах, ну к чему такое пристрастие...

Кумарин уже чувствовал себя настоящим дураком. Что делать, подумал он. Рвать с ним или подождать? Чем-то Скандаровский его безумно раздражал. И он никак не мог понять – чем.

– Что ждет нас теперь? – Кумарин смотрел на Скандаровского с суеверным ужасом и страхом. – Вы в прошлый раз сказали, что нас ждут потрясения – и вот... Признайтесь, у вас дьявольски точные источники информации? Откуда? Лев Семенович? Вы меня пугаете...

– Слухами земля полнится.

– Я таких слухов не знаю... – Кумарин прикрыл глаза. – Вы лукавите?

– Я? Лукавлю? Ничуть! Наслаждайтесь дивным вечером, этой красотой. Чувствуете нежный запах тубероз, от которого кружится голова, слышите мелодию танго? Завтра ничего этого может не быть. Наслаждайтесь! Послушайте, как поет наша певица Матильда Французская.

Теперь раздались звуки музыки. Женщина низким чувственным голосом пела популярный романс.

Как хороши те очи,
Как звезды среди ночи,
Ваш блеск меня чарует
И сердце мне волнует.
Вас пред собою вижу...

– Божественная, правда? – расплылся в улыбке Скандаровский.

– Да, – с трудом выдавил Кумарин. – И правда хороша!

Через некоторое время та, которую называли «божественной», проскользнула в кабинет, куда заглянул Скандаровский, и прильнула к нему, взволнованно дыша.

– Завтра вечером. Как всегда? – шепнула она. – Правда?

– Конечно... Жди.

– У меня для тебя есть информация...

– Замечательно!

– У меня краткий перерыв, я пошла. – Матильда Французская повела глазами с черными стрелками а-ля Клеопатра. Это была среднего роста миловидная брюнетка с широким лицом и пухлыми губами. Она изо всех сил старалась придать себе вид роковой женщины. Но все равно в ее лице проглядывало что-то добродушное, деревенское...

– Иди, радость моя, иди! – промурлыкал Скандаровский. – Дари наслаждение своим слушателям.

– Тебе понравилось?

– Мне всегда нравится, как ты поешь. – И Скандаровский припал к ее руке. Когда певица ушла, он поморщился. Около него витал резкий запах духов. Надо бы пройтись по свежему воздуху, проветриться. Нехорошо, если Наташа этот запах учует. Женщины – они всегда такие ревнивые. Подозрительные. Не надо этого допустить ни в коем случае... Да. Прогуляться. А потом у него встреча. Он был рад, что отделался от Кумарина. Простоватый малый, можно сказать, болван. Не понимает момента, не разбирается в политике.

Если вдруг меня ты позабудешь...
Я в разлуке буду горько плакать...

Матильду Французскую на самом деле звали Розалия Шварцман. Псевдоним она взяла для звучности. Скандаровский слушал Розалию, но думал о своем. Времена наступают смутные, что делать – он не знал. Трон под царем шатался, и, похоже, на этот раз он не устоит. Романовы – невезучая династия, и не надо было им с таким упорством жениться на этих немках. Лучше бы породу улучшать и разбавлять. А тут еще и гемофилия добавилась. Ну вот зачем Николай влюбился в Алису... И с той поры все пошло наперекосяк. Скандаровский помнил, как бубнил ему в ухо старый масон Трапезников: Романовы обречены, Романовых не будет... Тогда он отмахнулся от этих слов, посчитал, что у Трапезникова несварение желудка или пошаливает печень. А сейчас вдруг подумал, что, наверное, в этих словах что-то есть... И вообще не мешало бы побеседовать со стариком, пока он не собрался на тот свет. Или, как говорили в их среде – «уйти на Восток». Да, лучше всего не откладывать это дело... Если Романовы падут, то неужели к власти придут эти ужасные большевики, которые все отнимут и поделят? Хотя это несерьезно, кто допустит горлопанов к власти. Тогда – кто?..

Скандаровский напряженно думал. Та интуиция, которая позволяла ему всегда быть на плаву и вовремя менять, как он выражался, «диспозицию», похоже, ему отказывала... Неужели все пойдет прахом, и он, Лев Скандаровский, окажется на улице? Все отнимут, поделят. Наташа с Олечкой станут голодать. Если бы у них еще были дети... Но Наташа почему-то не беременела. Нельзя сказать, что Скандаровский обладал особым чадолюбием, но еще пара детей им с Наташей не помешала бы... Сына хочется, чтобы с ним везде ходить. Потом записать в какой-нибудь приличный полк... Хотя о каком полке он говорит, если все вот-вот пойдет прахом... Он сощурился. Сейчас пение закончится, Розалия опять проскользнет к нему, надо будет как-то объясняться. Она будет настаивать на свидании сегодня. А ему сейчас делать этого не хочется. Он на нервах. Весь в напряжении...

Он взял фуражку и покинул кабинет. Внизу швейцар спросил его:

– Уходите Лев Степаныч?

– Да, дела... Вот. – Протянул он ему монету. – Пошлите мальчика, чтобы купил букет цветов Розалии Шварцман.

Швейцар многозначительно посмотрел на него.

– Будет сделано... Не беспокойтесь...

Выйдя на улицу, Скандаровский поежился. Нужно не откладывать и нанести визит барону Майнфельду.

Барон жил в красивом каменном доме недалеко от Аничкова моста. Служанка, статная Поля, сказала, что Эдуарду Оттовичу очень плохо и он никого не принимает...

– Доложите обо мне, – сказал Скандаровский. – Может быть, он меня примет... Если нет, значит, не судьба, – он окинул оценивающим мужским взглядом Полю. Этот взгляд выходил у него почти автоматическим. Он был знатоком женской красоты и всегда говорил, что в каждой можно найти свою изюминку.

Поля вернулась через несколько минут.

– Вас примет, идите за мной...

У Майнфельда Скандаровский был всего один раз. Поэтому он покорно шел за Полей длинными коридорами, в которых царил полутьма; они поднялись по лестнице. Поля буквально взлетела перед ним, приподняв длинную юбку.

Он очутился перед белой дверью, Поля распахнула ее.

– Эдуард Оттович очень плох, сегодня утром был доктор...

В комнате горел ночник. В глаза бросилась большая кровать. На подушках темным пятном выделялось лицо Майнфельда. Он натужно дышал, хрипы были слышны даже у двери.

Поля подошла ближе к больному:

– Эдуард Оттович, Лев Степанович пришел.

Майнфельд повернул голову. В глазах царила тоска, смешанная с ужасом... Такого взгляда у него Скандаровский никогда не видел.

– Подойди ближе. Поля, оставь нас одних.

Когда Скандаровский наклонился ближе к Майнфельду, тот прохрипел:

– Возьми в шкафчике коньячок. Там же бокал стоит хрустальный. Плесни сколько хочешь.

Скандаровского долго упрашивать не пришлось. Он налил в бокал коньяк, отпил и снова подошел ближе к Майнфельду.

– Бери стул и садись рядом, – скомандовал тот. – Хорошо, что пришел сам. Я думал за тобой послать. А тут ты сам явился собственной персоной. Никак мой зов услышал.

Скандаровский сел, не имея понятия, о чем с ним будет разговаривать Эдуард Оттович.

– Ты, наверное, думаешь, что я выжил из ума, – начал его знакомый без всякого предисловия.

– Нет, – ответил Скандаровский и тут же отругал себя за это: слишком быстро.

– Правильно думаешь. Хотя думай, не думай. В моем положении...

– Каком положении?

Майнфельд был и правда плох. Лицо приобрело желтоватый оттенок, глаза впали, из горла вырывались хрипы.

– Похоже, моя песенка спета.

– Что вы, Эдуард Оттович! – проговорил из вежливости Скандаровский. – Не берите в голову. Еще поправитесь и спляшете краковяк. – Почему он сказал «краковяк», Скандаровский и сам не знал.

– Лев Степанович! Оставьте. Мы с вами как два брата понимаем, что есть моменты, когда слова – излишни... Наклонитесь ближе... Времена наступают страшные, я б сказал – последние...

– Вы и впрямь так думаете? – по спине Скандаровского пробежал холодок.

– Я не думаю, – теперь Майнфельд смотрел на него, широко раскрыв глаза, в его взгляде сквозили настойчивость, всегдашнее высокомерие и что-то еще... Чему Скандаровский еще не мог дать определение. Может быть, усталость? Да. Наверное, это так... Хотя раньше Майнфельд был бодр и подтянут. Сейчас будет жаловаться на жизнь, внезапно подумал Скандаровский. Но он был не прав. То, что он услышал, не просто его удивило. Нет. Здесь нужно было подобрать другое слово – озадачило...

А на прощание барон сказал:

– Видишь на стене справа от окна висит резной крест из кости. Возьми его.

Скандаровский снял крест со стены и поднес к своим глазам. На нем были изображены рунические знаки. Он спрятал его в карман и посмотрел на барона.

– Ну... прощай. Поля проводит тебя обратно.

Глава третья. Нежданная весть

*Бойся данайцев, дары приносящих.
Народная мудрость*

* * *

Москва. Наши дни

– Привет! – в комнату к Анфисе заглянул Николай Шепилов, сотрудник фонда, который должен был поехать на место и там уже скоординировать маршрут.

Анфисе Николай нравился. Спортивный подтянутый мужчина, бывший военный. При одном взгляде на него сразу можно было отметить такую его черту, как надежность. Про таких говорят: как за каменной стеной.

– Добрый день! Завтра вылетаете?

– Так точно!

– Сегодня надо это отметить.

– Да, главный обещал приехать, дать последние наставления. Не по телефону, – подмигнул ей Николай.

– Дать нагоняй в реале?

– Это начальство завсегда любит.

– Чай, кофе? – спросила Анфиса, вставая из-за стола.

– Давайте чай. Покрепче.

– Будет сделано, – отрапортовала Анфиса.

Они дружно рассмеялись.

Приготовив чай, она поставила чашку перед Николаем.

– Вы всегда такой загорелый.

– Я так и говорю всем: вернулся с Мальдив, чтобы окружающих немного подразнить. А они все принимают за чистую монету. Легковерный все-таки у нас народ. А на самом деле этот загар в меня уже въелся намертво за всю жизнь. Не вытравишь. Когда начал с Нелей вместе работать, так регулярно и стал загорать.

Неля, жена Шепилова, являлась руководителем туристической фирмы, специализирующейся на экстремальном отдыхе.

Анфиса поставила перед Николаем блюдо с печеньем и круассанами.

– Я уже позавтракал. Но от такого аппетитного круассана не откажусь.

Теперь Анфиса смогла разглядеть Николая ближе. От нее не укрылось, что он чем-то сильно озабочен. На лбу залегла вертикальная морщинка.

– Все в порядке?

– Да. Только... – он замялся... – Я могу на вас положиться?

– Конечно! Разве я давала повод думать как-то иначе!

– Это все между нами... Не хотелось бы прослыть паникером. Это мне не к лицу. Но...

– Что-то случилось?

– Сегодня утром получил одно письмо по электронной почте. А там... Хотелось бы вам перекинуть. Но не по корпоративному адресу.

– Пришлите на мой личный.

Анфиса продиктовала электронный адрес. Николай достал сотовый и перекинул ей письмо.

– Вы сами все увидите... Так сказать, информация к размышлению... Взгляд со стороны тоже иногда бывает полезен. А то один человек может что-то понять неправильно.

Николай еще посидел немного, потом ушел. В четыре часа был сбор всех в большой комнате.

Оставшись одна, Анфиса открыла письмо, которое ей переслал Шепилов.

«На одном из перевалов Кольского полуострова недалеко от Сейдозера погибли четверо туристов. Ребята лежали цепочкой, вытянувшейся от перевала до ближайшего жилья. Последнего нашли в двух сотнях метров от дома, где погибший надеялся найти спасение. Признаков насилия на телах не обнаружено, но на лицах застыла гримаса ужаса. Кругом были большие следы: не звериные, но и не человеческие. Эта трагедия очень напоминает другую, которая произошла в 1959 году на Северном Урале со свердловскими туристами. Правда, там тела были в жутком состоянии. Спасатели нашли погибших только через несколько дней. Загадочные смерти объединяет характерная деталь. Около горы Отортен, где были поставлены палатки, находится священное для народов манси урочище Ман-Папуньер: шесть огромных каменных столбов. По легенде, шесть великанов преследовали одно из племен манси, и когда они их почти настигли, на пути встал шаман и заколдовал великанов, превратив в шесть каменных столбов. Сейдозеро на Кольском полуострове – тоже священное место и до сих пор вызывает благоговейный трепет у местного населения. В 1920–1921 годах в этом районе побывала географическая экспедиция. Руководителем ее был Александр Барченко, заведующий лабораторией нейроэнергетики Всесоюзного института экспериментальной медицины. Он занимался изучением экстрасенсорных способностей, поиском снежного человека и следов Гипербореи. Эту экспедицию курировало ОГПУ. Одной из задач, стоявших перед Барченко, являлось изучение распространенного в этих местах странного заболевания – «мереченье», при котором меняется психическое состояние людей. На Кольском полуострове были обнаружены странные артефакты: сопки, похожие на сложенные пирамиды, камни правильной формы, словно обточенные непонятно кем. Здесь участники экспедиции часто испытывали чувство безотчетного ужаса, слабость, головокружение.

Похоже, на Севере скрыты многие тайны, разгадать которые пока никому не под силу. Каждого, кто приблизится к этим тайнам, вероятнее всего, ждет смерть».

Прочитав этот текст, Анфиса задумалась. Кому и зачем понадобилось отправлять это письмо накануне отъезда Николая? Это предостережение? Его пугают? Хотят, чтобы он отказался от поездки? Кто это сделал? Тот, кто был в курсе их дел? Кто знал, чем они занимаются, хотя все, что касается экспедиции, держалось в строгом секрете?

Перед общим собранием Николай снова заглянул к ней.

– Ну как? Прочитали? Что скажете?

– Я думаю, что это сделано каким-то врагом нашего босса. Он хочет, чтобы экспедиция развалилась, не успев начаться. Поэтому отправил письмо вам. Как человеку, который непосредственно едет в те края. Не относитесь к этому серьезно, прошу вас. Это чья-то злая шутка с дальним прицелом. Если мы будем паниковать – дело развалится.

– Вы так полагаете?

– Если все принимать близко к сердцу, то ничего не следует делать. Просто лечь и умирать. Но я думаю, что вы не тот человек, которого легко напугать и заставить отказаться от планов.

– Вы совершенно правы, я тоже так думаю.

Но сама Анфиса не знала, насколько ее слова убедили бывшего военного. Судя по его взгляду, брошенному на нее, – не очень. Шепилов ушел, а Анфиса задумалась. Дело в том, что она пару раз говорила Воркунову, что хотела бы поехать в эту экспедицию, но тот обрывал

ее, говорил, что нет, женщинам там не место. Он не может рисковать ею. Это работа для мужчин, крепких, спортивных. Вообще это все довольно рискованно... На этом он обрывал себя, больше ничего не говорил, только сдвигал брови. Анфиса понимала, что он крайне раздражен и продолжать разговор не намерен. Поэтому она немного завидовала Шепилову. Вся эта экспедиция представлялась ей крайне авантюрным и увлекательным делом. А тут она сидит в офисе и занимается рутинной. Анфиса тряхнула головой. А вот это письмо... Входило ли оно в понятие «опасность», о которой предупреждал Воркунов... Предвидел ли он такого рода «вехи» на пути к экспедиции?

В четыре часа Воркунов, директор фонда «За развитие Русского Севера», всех собрал в зал... был уже накрыт стол – по-домашнему: шампанское, красное и белое вино, водка, закуски.

Герман Салаев пришел с дочерью Луизой. Он иногда брал ее на разные торжества. Девятнадцатилетняя Луиза была знакомой Анфисы, пару раз они встречались в кафе, по-девичьи трепались. Луиза тяжело переживала развод отца, у Анфисы сложилось впечатление, что ей не хватало женского участия. Мать сочла Луизу предательницей из-за того, что она после развода продолжала общаться с отцом. Луиза металась между двух огней. Но отца она обожала и отказаться от него не могла.

Анфиса помахала ей рукой. Луиза кивнула головой и улыбнулась.

Как только люди расселись за столом, Воркунов встал с рюмкой водки в руке.

– Сегодня у нас знаменательный день. Экспедиция, которую мы готовили больше года, наконец-то стала обретать конкретные очертания. Мы провожаем в дорогу нашего сотрудника – Николая Александровича, который едет на разведку на место, как первая ласточка. Все сделает, обоснуется и доложит нам, – шеф любил иногда изъясняться витиевато и красочно. – Надеемся, что это принесет свои должные плоды, и мы вскоре тоже присоединимся к нему.

Когда возникла пауза в застолье, Анфиса с Луизой вышли на улицу.

– Привет! Как ты? – сказали они почти одновременно и рассмеялись.

– Покурим? – предложила Луиза. – Главное, чтобы отец не увидел, иначе все – трындец!

– Ну, давай, – Анфиса курила редко, если только за компанию.

Луиза достала сигареты из сумки и протянула Анфисе.

– У нас, как видишь, все по-старому, – протянула Анфиса. – Особо нового ничего нет.

Вот Николая провожаем. А ты-то как?

– Тоже без новостей.

– Как Сергей?

– Расстались.

– Жалеешь?

Луиза задумалась.

– Наверное, нет. Не мой человек. Все прошло так быстро. Не успела опечалиться.

– А тот?.. – понизив голос, спросила Анфиса.

«Тот» – это давняя любовь Луизы – женатый человек, с которым она виделась примерно раз в месяц, урывками. Старше ее на тридцать лет. Холодный, недоступный. Девушка мучилась от его невнимания, но ничего поделать с собой не могла. Слишком увлеклась этим человеком.

– Тоже... по-старому, – тихо сказала Луиза. – Так и живу... У тебя как?

– Да никак...

– А этот... твой друг?

– Лавочкин-то? Ну, друг и есть друг!

– Странная ты, Анфиса. Судя по твоим словам, молодой человек положителен со всех сторон. А ты на него внимания не обращаешь. Неужели ты никогда не была влюблена?

– Получается, что нет. Такой вот холодной я родилась.

– Моя мама всегда говорила, что нет холодных женщин, есть такие, которые не встретили своего мужчину.

– Может быть, – Анфиса стряхнула пепел на землю. – Может быть.

– Отец, – шепнула Луиза, быстро убрав за спину сигарету. Потушила ее о дерево. Таким же молниеносным движением достала из сумочки духи, обрызгала себя и Анфису.

Герман Салаев подошел к ним.

– Я тебя ищу, – обратился он к Луизе. – А ты тут.

– Да мы беседуем.

– Очень хорошо. Но надо быть на вечере. За столом. Иначе неудобно. Все сидят там, а ты гостей игнорируешь. Так, что ли, получается?

Он говорил, не глядя на Анфису. После того случая, когда она отвергла его, Салаев обращался с ней подчеркнуто холодно, словно она нанесла ему страшное оскорбление, которое он никак не мог забыть.

– Идем, идем! – и Луиза подмигнула Анфисе.

Весь вечер Анфису мучил вопрос: кто же все-таки прислал Шепилову это письмо? А главное – зачем?

* * *

В окрестностях Берлина.

За два месяца до описываемых событий

– А ты думаешь – нам было легко? – Он перевел взгляд на своего собеседника. – Нам пришлось очень, очень трудно. Но кто сейчас об этом помнит? Кажется – никто. Это большая ошибка.

Он перевел взгляд вверх. Свод пещеры поднимался высоко, потолок терялся в темноте. Освещение от фонарика было слабым, но немолодого мужчину, стоящего напротив, он видел довольно четко: тот опирался на палку. Седые волосы отливали тусклой желтизной, от этого казалось, что на голове – золотой шлем. Седые усы, спокойные манеры, чуть глуховатый голос.

– Главная ошибка состояла в том, что нас никто не воспринимал всерьез. Все думали, что нас разгромили, но это не так... – возникла пауза. Было слышно, как где-то совсем рядом капает вода. Глухой голос собеседника зазвучал громче. – Я иногда думаю: а не напрасны ли оказались жертвы, все те загубленные жизни. Эти миллионы людей, канувших в неизвестность. – Он посмотрел на него, словно ожидая ответа. Но тот перевел взгляд вверх. На потолок пещеры, скрывающийся в темноте. – Сам себе я отвечаю – нет, напрасного ничего нет в нашем мире. Иногда нужно время, чтобы увидеть весь замысел целиком.

Он слушал отрешенно, думая о своем. Но обстановка отвлекала. Он подумал, что пришел сюда за вполне конкретным делом, но пока никак не мог приступить к нему. Собеседник не хотел говорить прямо, а все кружил вокруг да около.

Чтобы добраться до этого места, им пришлось пройти значительный путь в темноте, с одним фонариком, друг за другом, стараясь ступать как можно тише. Все равно казалось, что каждый шаг отдавался гулким эхом. Пару раз нога чуть не уехала в сторону. Он мог поскользнуться, упасть, но вовремя скоординировал свои движения и, выпрямившись, перевел дух. Не хватало только погибнуть здесь – в этих пещерах: это был бы бесславный конец.

– Нужно смотреть под ноги, – негромко сказал мужчина. Его звали Герберт. Он подозревал, что это было не настоящее имя, но о большем не спрашивал. Это было ни к чему.

– Я смотрю. Ступаю осторожно, здесь неудобно идти. Кругом одни камни: неровные. Скользкие.

– Здесь когда-то были обвалы. Но сейчас вроде все спокойно, хотя бдительность никогда не помешает.

«Бдительность никогда не помешает», – отдавалось эхом в ушах... К чему это было сказано? Предупреждение или скрытая угроза...

– Вы здесь были давно? – спросил он. Но тут же понял, что его вопрос неуместен.

В ответ раздался тяжелый вздох. И была произнесена какая-то фраза на латыни.

– Я бываю здесь, чтобы отдать дань памяти, хотя для меня это очень тяжелое бремя.

– Я понимаю, – тихо пробормотал он. – Понимаю...

Когда они прошли еще несколько метров, Герберт сказал:

– Остановимся здесь.

Когда его глаза больше привыкли к темноте, он увидел небольшой холмик.

– Здесь лежат кости наших, – сказал Герберт, подчеркнув последнее слово.

Совсем рядом он услышал легкий всплеск воды и шорох. Он посветил фонариком и увидел красные глазки и розовый хвост.

– Здесь водятся крысы, – утвердительно сказал его собеседник. – Странно, что их боятся. А ведь крысы очень умные и хитрые животные. Недаром наши тропы называли «крысиными». Понимаешь, о чем речь? Умные люди уходили по хитрым тропам. Мы были не одни: нам помогали могущественные силы, одно перечисление чего стоит: это и швейцарские банки, и американские корпорации. В основе нашего могущества, которое со стороны выглядело как невероятное чудо, лежали древние корни, история, внезапно ставшая не пережитком прошлого, а реальным настоящим, – Герберт помолчал, какое-то время он стоял, шевеля губами, словно читал молитву. – Надо всегда помнить о том, что в конце XIX – начале XX века тот самый могущественный и загадочный Тевтонский орден, о котором впоследствии слагали легенды, распродал огромную часть своей земельной собственности и, не обнаруживая себя, инкогнито приобрел на полученные деньги банки, а кроме этого – вложил средства в промышленность: военную, химическую и угольную. Но это еще не все. Нам также помогали в Ватикане. Кажется, Гитлер и католическая церковь находились в антагонизме. Но это только внешне. Этот спектакль был для профанов. На самом деле папа вел прогитлеровскую политику, и в его окружении это не являлось тайной. Мы не были одинокими. Нам помогали те, кто понимал, что нужно сохранить историю. Великий германский рейх был не просто совершенной военной машиной. Он имел прежде всего мистическую подоплеку – на нем лежал отблеск древних верований. На нас возложена почетная обязанность сохранить их и помнить, что этот груз налагает двойную ответственность.

– Я понимаю, – пробормотал он. – Понимаю. – На секунду у него закружилась голова, он подумал, что сейчас упадет и уже не встанет. – Давайте ближе к делу, – против воли его голос прозвучал довольно резко.

– К делу, – эхом откликнулся Герберт. – Мы вели серьезные разработки в области древнего наследия, мы искали чашу Грааля, копьё Лоэнгрина, другие артефакты. Мы пытались найти ключ, который изменит сознание человека. Как ты знаешь, кто сумеет воздействовать на психику людей, тот станет властелином мира. Как бы пафосно это ни звучало.

Он сделал невольный жест рукой.

– Ты что-то хочешь сказать? – спросили его.

– Нет. То есть да... – он замолчал и тут же устыдился своего робкого голоса. – Я принес часть той самой рукописи.

– Это хорошо. У меня хранится неполный текст. Часть – у тебя. А вот недостающие фрагменты... – слова повисли в воздухе.

– Я не знаю, где они.

– Я думал, ты в курсе.

– Нет. Я же уже говорил об этом.

– Говорил. Но я все же предполагал, что ты вспомнишь.

«Ты просто мне не доверяешь, – мелькнуло в голове, – поэтому проверяешь. Ты хочешь все знать наверняка, но у тебя это не получается».

При этом он получил прилив сил. Все пока складывалось неплохо, в его пользу. Только бы не сбиться с верного тона.

– Так ты дашь мне ту рукопись?

– Да. Но сначала деньги.

– Конечно, – Герберт протянул ему пакет, перевязанный веревкой. – Можешь пересчитать.

Он заколебался – пересчитывать или нет...

Он протянул руку, но тут сделал одно неловкое движение... и Герберт с силой ударил его, а он упал и прохрипел:

– Подонок...

* * *

Николай размышлял над полученным письмом. Он перебрал в памяти всех своих знакомых, даже добрался до тех, с кем давно не виделся. Но на ум ничего не шло. Кто-то хотел его испугать? предупредить? Воркунов, когда он стал работать над этим проектом, предупредил, чтобы он не болтал лишнего, нельзя, чтобы информация об этой экспедиции, не дай бог, просочилась за стены фирмы. Говорил Воркунов это таким тоном, что было ясно – лучше этого не делать... и вдруг это письмо. Кто этот шутник? Что он хотел этим сказать? Как его вычислить? Он поделился информацией с Анфисой, но, может быть, надо было пойти прямо к Воркунову? Сообщить ему об этом? А если потом будут неприятности, то расхлебывать станет он один? А все потому, что не поделился с начальством этим письмом. Но, если Воркунов скажет, что экспедиция откладывается из-за угроз, это тоже не вариант: тогда проект будет свернут, а он пошел сюда на эту работу, потому что дочери нужно выплатить ипотеку. Он написал по обратному адресу, но компьютер выдал ему, что такого адреса не существует. Как ни странно, он ожидал нечто подобное. Вряд ли тот, кто отправил это письмо, станет открыто оставлять свои координаты. Хотя сейчас в Сети вполне можно спрятаться под любым ником. Но если серьезно копать, то можно вычислить и его... Николаю от этого письма было не по себе. Когда в фирме отмечали его отъезд, он не мог до конца радоваться, как это было бы еще недавно. До получения этого письма. Нельзя сказать, что ему не нравилась эта работа. Напротив. Раньше он работал с женой, Нелли.

У нее была своя туристическая фирма. После того как он отслужил свое в гарнизонах и вышел на пенсию, осев в Москве, перед ним встал вопрос: что делать. Он понимал, что еще не старому мужику – нет и пятидесяти – прозябать в качестве пенсионера – невозможно. Они с женой решили создать не просто туристическую фирму, а специализирующуюся на экстремальном туризме. Они хотели занять свою нишу, пойти неизбитым путем. Фирма становилась не просто, не сразу они смогли привлечь клиентов, встать на ноги. Предложить на туристическом рынке, как говорится на языке менеджмента, привлекательный продукт. Путем проб и ошибок они создали эту фирму. Но в последнее время заработки стали падать, появились другие фирмы с таким же набором услуг, да еще эта пандемия...

Нужно было помогать дочери с ипотекой, а тут подвернулось заманчивое предложение перейти работать в фонд «За развитие Русского Севера». Он немного колебался, но Нелли уговорила. Теперь ему предстояло выехать и все решить на месте. Продумать маршрут. Логично

стику. В принципе здесь не было ничего сложного: та самая работа, которую он выполнял и раньше. Правда, в других местах.

Он готовился к поездке старательно, но вот это письмо... Нельзя сказать, что он испугался. Нет... Но какой-то легкий холодок скользнул змейкой в сердце... Он думал: поделиться с женой этим письмом или нет. Но потом подумал, что у Нелли и так много дел и хлопот. А потом она может все воспринять слишком близко к сердцу, испугаться, станет уговаривать бросить эту работу. А сейчас этого делать было нельзя. Дочери нужно приобрести квартиру... Нет, он промолчит...

Глава четвертая. Аукцион с сюрпризом

Чем человек несчастнее, тем больше он боится изменить свое положение из страха стать еще несчастнее.

Петр Кропоткин

* * *

Москва. Наши дни

Анфиса была собой недовольна. В самый последний момент начальник позвонил ей и сказал, что завтра состоится аукцион, на котором будет продаваться одна вещь, которую Анфиса непременно должна купить. Каталог аукциона им в офис принес курьер. Вот как люди за клиентами бегают, сказал ей Воркунов. Видимо, подготовились серьезно. Задания, которые сваливались на голову неожиданно, Анфиса не любила. Но делать было нечего – босс велел. Ей следовало взять под козырек и сказать – «будет сделано». По закону подлости (из-за того, что Анфиса находилась в состоянии раздражения, а в такие минуты все нервы обострены и можно легко сделать один ляп за другим) она поскользнулась на кухне – пролила воду и чуть не растянулась на полу, но вовремя ухватилась за край стола, а там стояла чашка с кофе... Соответственно черная жижа тоже оказалась на полу, забрызгав красивую дымчато-серую юбку, в которой Анфиса и собиралась на аукцион.

Это было уже слишком. Она не просто любила эту юбку, та в какой-то степени была ее талисманом. Обычно, когда Анфиса надевала эту юбку, ей сразу несказанно везло. Можно верить в приметы или нет, но это было доказано многократно – юбка честно служила волшебной палочкой-выручалочкой. А после маленькой кухонной аварии с кофе тщательно продуманный наряд пришлось отложить в сторону, и настроение от этого, понятное дело, не взлетело вверх, а напротив – опустилось вниз. Еще на одну ступень.

Снова заварив кофе, Анфиса посмотрела в окно. День обещал быть пасмурным, и это тоже не прибавляло оптимизма.

Юбка отправилась в стирку, пришлось открыть гардероб и начать пересматривать вещи, висевшие в нем: строгий серый костюм был забракован сразу, так как выглядел слишком строгим. В таком наряде она походила на офисного работника. Брюки жизнерадостного канареечного цвета тоже были отложены в сторону, так как позволяли подумать, будто их владелица пребывает под кайфом или в легком неадеквате. Перебрав гардероб, Анфиса подумала, что одеть ей совсем уж нечего – она все забраковывала, – как вдруг ее взгляд упал на нежно-фиолетовое платье легкого струящегося силуэта длиной чуть ниже колен, и она подумала – это то, что надо. Вполне подходящий вариант для аукциона. Сверху еще идеально подходил серый пиджак с серебристым отливом, на лацкане которого красовалась старинная серебряная брошь. Теперь ее облик был полностью завершен. Оставалось выпить кофе...

Две чашки крепкого эспрессо привели Анфису в состояние умиротворения: теперь она была готова к труду и обороне.

Валя Лавочкин рвался идти с ней, но она его остановила, сказав, что там скучная обстановка и ему на аукционе совершенно нечего делать.

– Ты не хочешь, чтобы я там был? – голос Лавочкина в телефонной трубке звучал недовольно.

– Это скучота.

– Ничуть! Все это очень увлекательно, аукционы – это здорово! – парировал Лавочкин.

– Ты просто насмотрелся голливудских фильмов. И все. На деле это выглядит далеко не так заманчиво, как расписывают киношники.

– И все же! У меня свободный день.

– И что с этого? Ты же не породистая собачка, чтобы тебя везде таскать.

– Спасибо за сравнение.

– Всегда пожалуйста.

Анфиса все-таки настояла на своем и пошла на аукцион одна. Без Лавочкина. Впрочем, потом она об этом пожалела.

На аукционах Анфиса была всего два раза и поэтому считать себя завсегдатаем подобных мероприятий никак не могла.

Аукцион проходил в небольшом помещении антикварного салона. Она пришла заранее и теперь смотрела, как публика заполняет помещение.

Люди старались не смотреть друг на друга; все были сосредоточены, готовились к предстоящим схваткам. Анфиса подумала, что она, пожалуй, выглядит слишком спокойной и расслабленной. Не в пример другим. Она даже пыталась улыбнуться одному старичку в темно-зеленом бархатном пиджаке. Но он, нахмурившись, отвернулся. Словно она не улыбалась ему, а показала язык или выкинула другую хулиганскую шутку.

Аукцион начался вовремя. На помост взошла женщина лет сорока с небольшим – плотная блондинка в очках, черных брюках и свободной блузке навыпуск. Постучав молоточком, оглядела зал.

– Добрый вечер! – прожурчала она. – Рада всех приветствовать. Объявляю аукцион открытым.

Сначала были выставлены две книги, изданные в эпоху Петра Первого. Одна ушла за сто пятьдесят, другая – за двести тысяч. Далее пошли гравюры и картины. Была одна позолоченная статуэтка из дворца Шереметевых. Анфиса немного заскучала, как вдруг услышала:

– Лот тридцать два. Крест из кости. Резьба. Найден в Германии... Начальная ставка...

Анфиса напряглась.

– Тридцать пять тысяч, – сказала она.

Сзади послышалось:

– Тридцать восемь.

Голос был мужской, с легкой хрипотцой.

– Сорок, – не моргнув глазом бросила Анфиса.

– Сорок две.

Они дошли до семидесяти, и здесь незнакомец сдался.

Анфиса ощутила внутреннее удовлетворение. Она сделала все, как ей поручили, и имела все основания быть собой довольной.

Ей упаковали лот, она вышла на улицу, к ней бросился мужчина.

– Уступите мне! – Это был тот самый тип, который торговался с ней, повышая ставки.

Она подняла брови вверх.

– Вы о чем?

– Уступите мне эту вещь, – попросил он. – Я заплачу вам ту сумму, которая у меня есть. А потом соберу недостающую. За короткий срок, – он помедлил: – Недели за две.

– Разговор вообще неуместен, – холодно сказала Анфиса. – И ваши деньги мне не нужны. Я купила то, что хотела. И ни на какие уступки не пойду.

– Я заплачу еще больше, – в голосе послышалась мольба.

– Отойдите, пожалуйста, с дороги.

– Подумайте, а!

– И не собираюсь. Мы уже обо всем поговорили.
– Я бы так не сказал, – теперь мужчина говорил с вызовом.
– Что вы имеете в виду? – осведомилась Анфиса.
– Все, что угодно!
– Ого! Вы мне, кажется, угрожаете.
– Я провожу вас.
– Ни в коем случае. Я не собираюсь разговаривать с вами ни о чем. – Сейчас они стояли друг напротив друга. Она разглядела мужчину получше.

Лицо вытянутое, осунувшееся, маленькие усики, глаза – широко расставленные. Скулы... Угадывается что-то монгольское. Впрочем, весьма отдаленно...

– Так как? Согласны с моими условиями?

Анфиса взяла в руки мобильный и вызвала такси. Оно подъехало очень быстро.

Когда она уже садилась в машину, мужчина, сложив руки рупором, выкрикнул:

– Мы еще с вами встретимся, Анфиса!

Приехав на работу, Анфиса позвонила Лавочкину.

– Приезжай. Мне нужно тебе кое-что рассказать...

Когда Валя прибыл, она рассказала ему о случившемся.

– Я бы ему врезал как следует!

– И сел бы в тюрьму! – мгновенно откликнулась она.

– И пусть! Но морду бы набил...

– Слабое утешение. Носить тебе передачи я не намерена.

– Как этот тип посмел преследовать тебя!

– Коллекционер. Они все такие...

– Я же говорил: надо было ехать вместе.

– Это была плохая идея! Тебе чай или кофе сварить?

– Чай! – мрачно буркнул Лавочкин. – Зеленый.

– Сейчас...

После чая Валентин немного расслабился. Он рассказывал один из случаев на своей работе, когда Анфиса внезапно приложила палец к губам:

– Тише...

– Что такое? – забеспокоился Лавочкин.

– Ты слышишь? Кто-то ходит внизу.

Он прислушался.

– Вроде нет.

– А я слышу, – нахмурившись, сказала Анфиса. – Кто-то бродит на первом этаже.

– Может, пришли в одну из контор.

– Какой офис? «Шива и Лотос» – закрыты. «Розовое детство» работают сейчас редко. А в угловой комнате – никого нет.

– Надо выйти и посмотреть.

– Пошли вместе, – предложила Анфиса. – Я тебя одного отпустить не могу.

– Обижаешь! – повертел головой Лавочкин.

Они потушили свет и вышли, закрыв за собой дверь. Коридор, казалось, уходил в бесконечность. Они приблизились к лестнице и посмотрели вниз. Слева мигал слабый огонек.

– Видишь? – шепнула Анфиса.

– Вижу, – также шепотом ответил Валентин.

– И кто здесь бродит?

Она сложила руки рупором и крикнула:

– Эй, тут кто-то есть?

В ответ – тишина. Все это Лавочкину жутко не понравилось.

– Ты сейчас домой?

– Да. Я тебя провожу. Мне тут в голову одна мысль пришла. Короче, тут кто-то ходит, я не могу тебя здесь оставить.

– Лавочкин! Ты сошел с ума. – Анфиса смотрела на него почти сердито. Но Валентин знал – она не сердится, а только притворяется. Ему было прекрасно известно, что в гнев Анфиса – ого-го какая и лучше ей под руку не попадать. Однажды она швырнула в него тарелку и та со свистом пролетела в десяти сантиметрах от головы. А если бы попала? Он не преминул иронически спросить ее об том. Но Анфиса не повела и бровью. Мол, я шутя. Это – во-первых. А во-вторых... Если бы захотела попасть, то не промазала бы.

– Я не сошел с ума! – защищался Лавочкин. – Так все и есть. Я не выдумываю. Кто-то здесь ходит. Пока ты и в ус не дуешь... Нельзя же быть такой беспечной...

– Откуда ты знаешь, что здесь кто-то шастает? Или это все твои фантазии?

Они сидели в маленькой комнате и спорили. Это помещение высокопарно называлось кабинетом, хотя больше походило на чулан. Тут были свалены книги, предметы быта, стоял узкий диван, ломберный столик, на нем – огромных размеров старинная чернильница и маленький глобус. – Если ты думаешь обмануть меня – даже и не думай!

– Я? – притворно улыбнулся Валентин Лавочкин и в нарочитом ужасе оглянулся. – Упаси боже!

– То-то и оно! – кивнула Анфиса. – И не вздумай...

Они находились в здании, где Анфисин фонд занимал три комнаты на пятом этаже и четыре на четвертом. Фонд носил гордое название «За развитие Русского Севера». Между собой сотрудники и те, кто работал с ними, иногда называли его – «ЗАРУСЕВ». Никакой вывески внизу еще не было, руководитель фонда, бывший член исполкома одной из проправительственных партий Мстислав Воркунов утверждал, что на данном этапе никакая шумиха им не нужна. Пока они только накапливают материал и продумывают концепцию. Официальный фонд заседал в одном из бизнес-центров и занимал там две комнаты. А тут у них были склады, как говаривал Мстислав Александрович. Хотя это были, конечно, никакие не склады, а уютные помещения. Сам он бывал здесь нечасто. Приходил, сияя неприличным красивым загаром, давал указания Анфисе и снова исчезал по своим делам. Анфиса была его помощницей по фонду – историком, архивистом, аукционистом, – в ее обязанности входило отслеживать на аукционах интересные вещи, связанные с культурой и традицией Русского Севера, и докладывать о них начальству. А Воркунов уж решал: приобретать им эти вещи или нет.

– Ты думаешь, этот тот сегодняшний тип? – спросил Валя.

– Думаю, – честно призналась Анфиса. – Соображаю. Может, успела еще каких-то врагов нажить за последнее время.

– Долго будешь соображать?

– Сколько понадобится, – отрезала она. – И не мешай.

Процесс интенсивного раздумья чередовался у Анфисы с закатыванием глаз к потолку. Как будто бы она хотела что-то там прочесть. Валя покорно ждал, боясь попасть под горячую руку или вызвать неудовольствие своей подруги. Невольно он любовался Анфисой – ее длинной шеей, пепельными волосами, спадавшими красивой волной, кожей почти мраморной – но живой и теплой...

Свет от фонаря падал на стол...

– Ничего тут не придумаешь, – с усталым вдохом констатировала Анфиса. – И вообще пора по домам. Не находишь?

– Нахожу. Ты останешься здесь?

– Догадливый ты мой, – усмехнулась Анфиса. – Приз в студию за смекалку. Мне еще какое-то время нужно поработать.

– Э... – Валентин замялся. – Тебе не страшно здесь оставаться?

Она подняла вверх брови.

– Что ты имеешь в виду?

– Говорю прямо, если ты не хочешь понимать мои намеки. Ты здесь одна. Обстановка вокруг опасненькая... Мало ли что. И не говори, что я излишне все нагнетаю.

– Это все твои фантазии, кажется, я тебе говорила об этом, – голос Анфисы звучал спокойно. – И не напоминай мне об том типе. У страха, как ты знаешь, глаза велики. Я тоже стану *вообразать себе всякое...*

– Анфис! – выкрикнул Валя почти с отчаянием. – Давай я останусь и буду тебя караулить. Так мне спокойней, да и тебе – тоже.

– Еще чего? Тоже мне рыцарь нашелся!

– Рыцарь не рыцарь. А в случае чего...

– Лавка! – Анфиса скрестила руки на груди. – Прошу тебя, не испытывай моего терпения. Даже не прошу, а требую. Все в порядке. Я всегда смогу за себя постоять. Так что твоя помощь здесь не нужна. Я тебе за нее благодарна. Но...

– Ну хорошо, – Валя старался, чтобы его голос звучал невозмутимо и не дрожал. – Я ухожу. Спокойной ночи...

Он знал, чувствовал, что Анфисе страшно, но она хорохорится. Она любит подчеркивать свою независимость и ей не нравится принимать помощь со стороны. Даже от него. Ну что за несносный характер, рассердился на нее Лавочкин. Просто ужас, а не характер. А что ему делать? Не может же он оставить ее наедине с этим типом, который шастает рядом.

– Спокойной ночи...

Валя ушел, хлопнув дверью. Спустившись на первый этаж, он задумался. Никто не знал, что будет дальше... История с типом, который угрожал Анфисе, Лавочкину категорически не понравилась. Более того – он испытывал самый настоящий страх за подругу, поэтому уйти никак не мог. Он должен был остаться и присмотреть за ней, за беспечной дурочкой, которая никак не могла взять в толк, что ей угрожает опасность. «Легкомыслие – удел женщины», – вспомнил он вычитанную когда-то фразу. Нет, Анфиса положительно сошла с ума, если решила наплевать на осторожность. И его первейший долг – подставить ей плечо, даже если она об этом не просит, а наоборот, посылает его к черту. Если он сейчас оставит Анфису одну, то случиться может все, что угодно... Дальше его воображение совсем разыгралось – вот на Анфису нападают, вот ей скручивают руки... Девушка она, конечно, боевая, но супротив мужика, да еще с револьвером, к примеру, или с ножом, она ничего поделать не сможет, как бы ни хорохорилась и ни строила из себя самостоятельную даму... Он хорошо знал Анфису, понимал, что просить о помощи и выставить себя слабой беспомощной девушкой было совершенно не в ее духе. Напротив, там, где надо бы разжалобить или сыграть на типичных женских качествах – Анфиса все делала наоборот. Нет, уйти сейчас было бы верхом его собственного, Лавочкина, легкомыслия и непростительной глупостью...

Хотя, собственно говоря, что делать – он не знал.

И все же... все же...

Валя уже собирался открыть дверь особняка и шагнуть в ночь, как увидел в высоком верхнем окне какие-то колышущиеся тени, как от ветвей деревьев. Неясное чувство тревоги сжало сердце Лавочкина. Он не был суеверным человеком, но ведь беспокойство на пустом месте не возникает?

Вернуться назад или оставаться здесь? Он не знал, как поступить, но тут другие звуки внезапно привлекли его внимание. Легкий шорох наверху, и стук открывшейся двери – едва слышный. Ветер? Сквозняк, открывший дверь... Хотя откуда здесь взяться сквозняку. Но старый дом способен и не на такие сюрпризы... Валя вновь бросил взгляд на улицу – все вроде спокойно. Внезапно раздался какой-то грохот и Анфисин крик. Лавочкин моментально взлетел вверх.

Анфиса стояла у двери и при виде Лавочкина отпрянула.

– Ты? Как ты меня напугала.

– Ну... я... А что... Это ты шел сверху?

– Я? – мысли Лавочкина лихорадочно забурили. – Откуда?

– С верхнего этажа...

– А что мне там делать?

– Значит, это был не ты? – Анфиса всматривалась в него, словно желая прочесть ответ.

– Конечно, не я.

– А где был ты?

– Внизу.

– Ты же ушел?

– Ушел... Но решил вернуться.

Анфиса сдвинула брови.

– Понимаешь, – сбивчиво начал Лавочкин. – Все-таки я не смог оставить тебя здесь одну.

Это было бы неправильным. Поэтому я сделал вид, что ушел. А сам стоял на первом этаже. Ждал.

– Чего?

– Ну... – он пожал плечами. – Хотел убедиться, что с тобой все в порядке, а все остальное – плод моих расстроенных нервов. Но как видишь – я оказался прав в своих подозрениях. Так что ты напрасно гнала меня. Мое чутье меня не подвело. А что это был за грохот?

– Я уронила фонарь. Услышала звуки, как будто кто-то скребется в коридоре. Я подумала: мыши или крысы. Я давно говорила Воркунову, что нужно здесь поставить капканы. А он все отмахивался. Решив, что здесь резвится какая-то живность, я взяла фонарь. И какой-то был звук со стороны... Шаги, что ли? Я выронила фонарь. А здесь ты появился... И я... рада...

Лавочкин почувствовал себя польщенным.

Он поднял фонарь, лежавший на полу.

– Поехали к тебе, – решительно сказал он. – Я возьму такси и отвезу тебя домой. И не успокоюсь, пока не увижу, что ты находишься у себя и в безопасности. Даже не возражай.

Он отвез Анфису домой и, только когда убедился, что она закрыла за собой дверь на ключ, уехал к себе, взяв с нее слово, что она будет очень осторожна, а если что – сразу позвонит ему.

Глава пятая. Мертвые львы и живые письма

В мире нет ничего постоянного, кроме непостоянства.
Джонатан Свифт

Петроград. 1917 год. Весна

Скандаровский шел по улице, уворачиваясь от людей, спешащих ему навстречу. Ходить по городу теперь было небезопасно. Могли и пальнуть случайно. Как прав был Эдуард Оттович, сказав, что времена наступают не просто смутные, а страшные. И надо держаться правильной линии и тактики, иначе... Он поежился, вспомнив Эдуарда Оттовича. Мир праху твоему, подумал Скандаровский. Спи спокойно...

Он был на похоронах барона на немецком лютеранском кладбище. Народу собралось немного. Он видел заплаканную вдову – Юлию Карловну, – тяжелую тучную даму шестидесяти лет в бриллиантовых серьгах-капельках, которые качались при каждом ее движении. Сын был где-то на фронтах войны. Дочь – в Париже. Остальные родственники стояли полукругом и о чем-то изредка шептались. Присутствовали и братья по ложе, с тремя из них Скандаровский был знаком, а вот с четвертым – нет. Тот стоял в стороне, оттопырив нижнюю губу, и смотрел прямо перед собой отсутствующим взглядом. Невысокий, склонный к полноте. На голове шляпа, черное длинное пальто... Незнакомец стоял, опираясь на трость, и только изредка смотрел по сторонам. И на могилу. В глаза бросился огромный перстень с сапфиром. Один раз он скользнул взглядом по Скандаровскому, и тот поежился: ощущение было не из приятных. Словно на тебя посмотрел крокодил или удав.

Они обменялись тайным знаками, но друг к другу подходить не стали. Скандаровский бросил горсть земли в могилу... Подошел к вдове и сказал пару утешительных слов. Потом припал к руке. Она поблагодарила его – прибавив по-французски, что она признательна всем друзьям и знакомым мужа, явившимся на похороны. Он даже не понял, узнала она его или нет. Ведь видел он ее всего пару раз... могла и не помнить.

Домой Скандаровский вернулся в смешанных чувствах. Он не так уж близко знал с бароном, фигурой почти легендарной. Масоном был не только он сам, но и его дед и прадед... Но все равно было жаль... Наверное, когда умирает знакомый человек, то в сожалении о нем присутствует и толика грусти о себе: мир не вечен, жизнь коротка и в любой момент может оборваться. Особенно сейчас в такие страшные смутные времена, которые непонятно чем закончатся. Как и предупреждал Эдуард Оттович: нужно приложить все усилия, не рухнуть в бездну. Скандаровский налил в стакан коньяка, залпом выпил его и задумался... Барон Майнфельд предупредил его об одной вещи. И ему оставалось только ждать условленного сигнала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.